

МАКСИМ
ГОРЬКИЙ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

М Горький

Максим Горький
По Союзу Советов

«Public Domain»

1929

Горький М.

По Союзу Советов / М. Горький — «Public Domain», 1929

«В Баку я был дважды: в 1892 и в 1897 годах. Нефтяные промысла остались в памяти моей гениально сделанной картиной мрачного ада. Эта картина подавляла все знакомые мне фантастические выдумки устрешённого разума, все попытки проповедников терпения и кротости ужаснуть человека жизнью с чертями, в котлах кипящей смолы, в неугасимом пламени адовом. Я – не шучу. Впечатление было ошеломляющее...»

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Максим Горький

По Союзу Советов

I

В Баку я был дважды: в 1892 и в 1897 годах. Нефтяные промысла остались в памяти моей гениально сделанной картиной мрачного ада. Эта картина подавляла все знакомые мне фантастические выдумки устрaшённого разума, все попытки проповедников терпения и кро-тости ужаснуть человека жизнью с чертями, в котлах кипящей смолы, в неугасимом пламени адовом. Я – не шучу. Впечатление было ошеломляющее.

За несколько дней перед тем, как я впервые очутился в Баку, на промыслах был пожар, и над вышками, под синим небом, ещё стояла туча дыма, такая странно плотная, тяжёлая, как будто в воздух поднялось несколько десятин чернозёма. Когда я и товарищ мой Фёдор Афа-насьев, шагали по песчаной дороге, жирно пропитанной нефтью, подходили к Чёрному городу и я увидел вершины вышек, воткнувшиеся в дым, мне именно так и показалось: над землёй образована другая земля, как бы второй этаж той, на которой живут люди, и эта вторая земля, расширяясь, скоро покроет небо вечной тьмой. Нелепое представление усилилось, окрепло при виде того, как из одной вышки бьёт в тучу дыма фонтан чёрной грязи, точно землю стошнило и она, извергая внутреннее своё, расширяет дымно-масляную крышу над землёй.

В стороне от дороги увязла в глубоком песке санитарная повозка, измазанная чёрным и красным; у неё сломалась ось; в повозке лежал человек, одна нога – босая, неестественно синяя, на другой – раздавленный и мокрый сапог, из него на песок падали тяжёлые, тёмные капли; рыжеволосый возница в кожаном переднике лежал на песке, связывая ось ремнём с грязной доской; на измятой железной бочке сидел санитар, присыпая песком влажные пятна на халате. Афанасьев спросил его:

– Убитый?

– Шагай мимо, дело не твоё.

Нас обгоняли и шли встречу нам облитые нефтью рабочие, блестя на солнце, точно муравьи. Обогнала коляска, запряжённая парой серых, очень тощих лошадей, в коляске полу-лежал, закрыв глаза, человек в белом костюме, рядом с ним покачивался другой, остроборо-дый, в тёмных очках, с кокардой на фуражке, с жёлтой палкой на коленях. Коляску остановила группа рабочих, десятка два; сняв шапки, размахивая руками, они заговорили все сразу:

– Помилуйте! Как же это? Мы – не можем! Помилуйте!

Человек с кокардой привстал и крикнул:

– Назад! Кто вам позволил? Марш назад!

Кучер тронул лошадей, коляска покатилась, врезая колёса в песок, точно в тесто, рабочие отскочили и пошли вслед за нею, молча покрывая головы, не глядя друг на друга. Все они как будто выкупались в нефти, даже лица их были измазаны тёмным жиром её. На промысел они нас не пустили, угрожая побить.

Часа два, три мы ходили, посматривая издали на хаос грязных вышек, там что-то бухало влажным звуком, точно камни падали в воду, в тяжёлом, горячем воздухе плавал глуховатый, шипящий звук. Человек десять полуголых рабочих, дёргая верёвку, тащили по земле толстую броневую плиту, связанную железной цепью, и угрюмо кричали:

– Аа-а! Аа-аа!

На них падали крупные капли чёрного дождя. Вышка извергала толстый чёрный столб, вершина его, упираясь в густой, масляный воздух, принимала форму шляпки гриба, и хотя с этой шляпки текли ручьи, она как будто таяла, не уменьшаясь. Странно и обидно маленькими

казались рабочие, суетившиеся среди вышек. Во всём этом было нечто жуткое, нереальное или уже слишком реальное, обезмысливающее. Федя Афанасьев, плюнув, сказал:

– Трижды с голода подохну, а работать сюда – не пойду!

...На промысла я попал через пять лет с одним из сотрудников газеты «Каспий»; он обещал рассказать мне подробно обо всём, но, когда мы приехали в Сураханы, познакомил меня с каким-то очень длинным человеком, а сам исчез.

– Смотрите, – угрюмо сказал мне длинный человек и прибавил ещё более угрюмо: – Ничего интересного здесь нет.

Весь день, с утра до ночи, я ходил по промыслу в состоянии умопомрачения. Было неестественно душно, одолевал кашель, я чувствовал себя отравленным. Плутая в лесу вышек, облитых нефтью, видел между ними масляные пруды зеленовато-чёрной жидкости, пруды казались бездонными. И земля, и всё на ней, и люди – обрызганы, пропитаны тёмным жиром, всюду зеленоватые лужи напоминали о гниении, песок под ногами не скрипел, а чмокал. И такой же чмокающий, сосущий звук «тартанья», истекая из нутра вышек, наполняет пьяный воздух чавкающим шумом. Скрипит буровая машина, гремит железо под ударами молота. Всюду суется рабочие: турки, русские, персы роют лопатами карьеры, канавы во влажном песке, перетаскивают с места на место длинные трубы, штанги, тяжёлые плиты стали. Всюду валялась масса изломанного, изогнутого железа, извивались по земле размотанные, раздёрганные проволоочные тросы, торчали из песка куски разбитых труб и – железо, железо, точно ураган наломал его.

Рабочие вызвали впечатление полупьяных; раздражённо, бесцельно кричали друг на друга, и мне казалось, что движения их неверны. Какой-то, очень толстый, чумазый, бросился на меня и хрипло заорал:

– Что же ты, дьявол, желонку...

Но увидав, что я – не тот человек, побежал дальше, ругаясь и оставив в памяти моей незнакомое слово – «желонка». ¹

Среди хаоса вышек прижимались к земле наскоро сложенные из ржавых и серых неотёсанных камней длинные, низенькие казармы рабочих, очень похожие на жилища доисторических людей. Я никогда не видел так много всякой грязи и отбросов вокруг человеческого жилья, так много выбитых стёкол в окнах и такой убогой бедности в комнатках, подобных пещерам. Ни одного цветка на подоконниках, а вокруг ни кусочка земли, покрытой травой, ни дерева, ни кустарника. Жутко было смотреть на полуголых детей, они месили ногами зеленоватую, жирную слизь в лужах, группами по трое, по пяти уныло сидели в дверях жилищ, прижавшись друг к другу, играли на плоских крышах обломками железа, щепками. Как всё вокруг, дети тоже были испачканы нефтью, их чумазые рожицы, мелькая повсюду, напоминали мрачную сказку о детях в плену братьев-людоедов и рассказ древнего географа Страбона о том, как Александр Македонский пробовал горючесть нефти: он приказал облить ею мальчика и зажечь его.

Плотники тесали бревно, поблескивая щекастыми топорами, строилась ещё одна буровая вышка, по скелету её влезал чернобородый мужик, босой, без рубахи. Он держал в зубах конец верёвки, а руками хватался за рёбра вышки и тяжело, неловко лез всё выше; на земле, в луже грязи оливкового цвета, стоял старичок со связкой верёвки в руках, разматывая её, – похоже было, что он запускает бумажного змея.

– На небо не залезь, – крикнул он чернобородому, а тот, сверху, густо, громко и серьёзно ответил:

– Не бойсь.

¹ **Желонка** – инструмент, применяемый при бурении и эксплуатации скважин, для подъёма на поверхность жидкости, песка и буровой грязи – *Ред.*

Эти слова тоже остались в памяти, должно быть, потому, что всё вокруг кипело мрачным раздражением, все люди казались неестественно возбуждёнными, хотя, может быть, это впечатление внушила мне книга, – я где-то прочитал, что нефть обладает наркотическими свойствами.

На одном участке, в стороне от наиболее тесной группы вышек, сотни две людей работали особенно бешено, командовал ими широкоплечий детина в белом халате, в тюбетейке, обрызганный нефтью, точно маляр краской. Размахивая длинными руками и ни на минуту не закрывая волосатый рот, он истерически орал матерщину, сопровождая ею каждое слово, руками толкал рабочих в спину, в шею, раздавал пинки ногами, одного схватил за плечо и бросил на землю, точно кошку.

– Нагибай! – взвизгивал он и ругался трёхэтажно. – Клади! – и снова ругался. – Двигай!

Не видно было, что делает воюющий клубок людей, мне казалось, что большинство их ничего не делает, подпрыгивая, толкая друг друга, заглядывая через плечи стоявших впереди в центре толпы, где «нагибали», «двигали» что-то и тоже ругались. Казалось, что все эти люди испуганы возможностью катастрофы и бьются над тем, чтоб предупредить её. А издали картина промысла и работы на нём создавала странное впечатление: на деревянный город напали враги, племя чёрных людей, и разрушают, грабят его. Я ушёл в поле очумевшим, испытывая анархическое желание поджечь эти деревянные пирамиды, пропитанные чёрным жиром земли, поджечь, чтоб сгорели не только пруды тёмно-оливковой масляной грязи в карьерах, но воспламенился весь жир в недрах земли и взорвал, уничтожил Сураханы, Балаханы, Романы, всю эту грязную сковороду, на которой кипели, поджаривались тысячи измученных рабочих людей.

Утром, стоя на корме шкуны, я с таким же чувством ненависти смотрел на город, гораздо более похожий на развалины города, на снимки разрушенной, мёртвой Помпеи, – на город, где среди серых груд камня возвышалась чёрная, необыкновенной формы, башня древней крепости, но где не видно было ни одного пятна зелени, ни одного дерева, а песок немощёных улиц, политый нефтью, приобрёл цвет железной ржавчины. В этом городе не было воды, – для богатых её привозили за сто вёрст в цистернах, бедняки пили опреснённую воду моря. Дул сильнейший ветер, яркое солнце освещало этот необыкновенно унылый город, пыль кружилась над ним. Казалось, что нагромождение домов с плоскими крышами высушено солнцем и рассыпается в прах. Маленькие фигурки людей на берегу, становясь всё меньше, сохнут, сторают и тоже скоро обратятся в пыль.

На промысла Азнефти я поехал рано утром, прямо с вокзала, вместе с товарищем Румянцевым, помощником заведующего промыслами. Он – один из тех рабочих, которые воспитывались подпольем, затем – на фронтах, в битвах с белыми, работали в тылу врагов и побывали в «гуманных» руках защитников «культуры и свободы». Эти гуманные руки, обвязав череп товарища Румянцева пеньковой верёвкой, закручивали её клячом так, что лопнул черепной шов. Сколько слышал я таких рассказов о пытках! Сотни...

Едем не быстро. Товарищ Румянцев эпически спокойным тоном повествует о прошлом.

– В Ельце Мамонтов приказал собрать наиболее красивых девиц города; сначала их изнасиловали офицера, потом отдали казакам, а казаки, используя девиц, привязали их за косы к хвостам коней и, стащив в реку Сосну, утопили.

– В Кизляре белые, выкинув из окон второго этажа тяжело раненных красноармейцев, заставили легко раненных, раздев их догола, отвозить убитых товарищей за город, в овраг. А – была зима. Оставшихся в живых перебили.

Рассказы звучат так просто и спокойно, точно всё это было не десять лет тому назад, а – сто. Слушая, я вспоминаю рассказ другого товарища, – очень мудрый рассказ:

– К белым я попадал трижды. Май-Маевский распорядился повесить меня, – не вышло, убежал я, хотя был здорово избит. У генерала Покровского тоже побывал, – вот это зверь! Тут

меня так избили, что сочли мёртвым, так и спасся. Под Самарой провалился, тоже здорово попало, тогда я ушёл к своим с конвоем, – славные ребята! Четверо.

Вздохнув, он сказал:

– Зверьё – люди! Конечно, если и наши ребята развернутся, так уж... держись за свою шкуру крепче! Но мы всё-таки люди классовой ненависти, а личная у нас...

Он подумал и нашёл слово:

– Не живуча. Потому – нам не за что мстить, ну, а мы у них «горшки перебили», как сказал Ильич, так они за это мстят, за горшки. Нам вот случается работать под началом бывших врагов, а – ничего!

Он снова помолчал и, улыбаясь, толкнул меня локтем.

– Вы, товарищ, хотя и не рабочий, а правильно понимаете, что такое труд, – это к чести вашей. Замечательно объединяет людей работа, – честных, конечно, верующих в наше дело и в победу. Я говорю про работу на будущее, на наше государство. Она захватывает и большую силу придаёт. Главное – объединяет изнутри, вот что...

Он вдруг оживился и очень связно, с хорошей усмешкой, рассказал:

– Я работаю с личным врагом, он меня в девятнадцатом году ручкой револьвера по голове колотил, на его глазах с меня шомполами кожу драли. А теперь он – моё начальство, работаем мы с ним, как два коня в одной упряжи, и – друзья! Даже не верится, что врагами были, да и вспоминать об этом неловко. Мне – за него тяжело, а ему – передо мной. Ну, всё же, иной раз, вспоминаем, – для молодёжи поучительно. Крепко он приснастился к нам. Умник, образованный, а – главное, энергии у него, чёрта, – на хороший десяток людей. А тоже – и рублен, и строган, и пулей сверлен. Замечательный парень.

Выслушав этот необыкновенный рассказ, я подумал: «Вот прекрасная тема для молодых писателей: труд «на будущее», уничтожающий личную ненависть коренных врагов, – труд, который объединяет их в процессе создания новой культуры».

Едем уже по территории промыслов. Я оглядываюсь и, разумеется, ничего не узнаю, – сильно разрослись промысла, изумительно широко! Но ещё более изумляет тишина вокруг. Там, где я ожидал снова увидеть сотни выпачканных нефтью, ненормально возбуждённых людей, – люди встречаются редко, и это, чаще всего, строительные рабочие – каменщики, плотники, слесари. Там и тут они возводят здания, похожие на бастионы крепостей, ставят железные колонны, строят леса, месят цемент. По необозримой площади промыслов ползают, позвякивая сцеплениями, железные тяжи; вышек стало значительно меньше, но повсюду качаются неуклюжие «богомолки», почти бесшумно высасывая нефть из глубин земли. В деревянном сарайчике кружится на плоскости групповой привод, протягивая во все стороны, точно паук, длинные, железные лапы. У двери сарая лежит на скамье и дремлет смазчик, старенький тюрк в синей куртке и таких же шароварах. Рабочих, облитых чёрным жиром, не видно нигде. И нет нигде жилищ доисторического вида – этих приземистых, грязных казарм, с выбитыми стёклами в окнах, нет полуголых детей, сердитых женщин, не слышно истерических криков и воя начальства, только лязгает, поскрипывает железо тяжей и кланяются земле «богомолки». Эта работа без людей сразу создает настроение уверенности, что в близком будущем люди научатся рационализировать свой труд во всех областях.

И совершенно ясно, что Румянцев, да и все тут, стараются скрыть свою законную гордость достигнутыми успехами, что все искренно заинтересованы независимостью впечатлений гостя и ничего не хотят подсказывать ему. Они не забывают сказать:

– Это было до нас. Это тоже было, здесь мы только увеличили количество котлов. Это – старый завод, тут нами поставлены новые холодильники.

Возможно, что не холодильники, а что-то другое. Я никогда не записываю того, что слышу и вижу, надеясь на мою зрительную память и вообще на умение помнить.

Чем больше ходил я по промыслам, тем более удивляло меня незначительное, в сравнении с прошлым, количество рабочих на этой огромной площади, где железо, камень и бетон вытеснили деревянные вышки. Куда ни взглянешь – всюду цистерны, железные колонны, связанные дугообразными трубами, всюду растут каменные стены. И нигде нет этой нервной, бешеной суеты, которую я ожидал увидеть, нет пропитанных нефтью людей, замученных и крикливых, нет скоплений железного лома. Создаётся впечатление строительства монументального, спокойной и уверенной работы надолго; сказать: «на века» – уже нельзя в наше время фантастически быстрого роста промышленной техники.

Под открытым небом свирепо гудит ряд котлов, нагревая железную коробку объёма двух или трёх вагонов, коробка опоясана трубами и над нею – гребень изогнутых труб.

– В коробке греется нефть, – объясняют мне. – С другой стороны вы увидите, что мы получаем из этого.

С другой стороны я вижу масляные цветные ручьи от золотисто-рыжего до почти бесцветного.

За истечением этих ручьев наблюдает один человек, такой спокойный, домашний, в халате, точно доктор. За котлами следили трое рабочих. Станный завод.

На языке моём вертелся вопрос, давно и глубоко волновавший меня:

«Чувствует ли себя рабочий – и в какой мере чувствует – хозяином?»

Не веря моим впечатлениям, вопрос этот я ставил и пред рабочими и пред людьми, которые идут во главе рабочей массы, идут в ногу с нею, в хвосте её. Соответственно физической позиции каждого, ответы получались утвердительные, неопределённые, отрицательные, и в каждом из них, разумеется, была своя субъективная правда. Но я знаю, что среди нас мало мастеров, которые не верили бы, что они работают хорошо; не очень много людей, которые, делая своё небольшое дело, ясно сознают значение своей работы в общем потоке труда, обновляющего жизнь, и, наконец, немало людей, утомлённых работой, сделанной ими, немало разочарованных. Последние как будто ожидали, что тотчас, вслед за понедельником, снова наступит воскресенье, а пять трудовых дней уже навсегда вычеркнуты из жизни. Так что разнообразные ответы на мой вопрос ничего не прибавили к моим личным впечатлениям до Баку и ничего не отняли у них. Естественно, что я хотел поставить этот вопрос, но не успел, не нашёл времени сделать это и дождался, что мне ответил случай, ответил, на мой взгляд, очень объективно.

Когда мы осматривали новый масляный завод, – тяжёлый, горячий воздух над нами вдруг негромко, но глубоко вздохнул, в нём как бы лопнуло что-то, и чрез дорогу от завода, над группой труб, железных колонн, цистерн взлетело курчавое, чёрно-серое облако.

– Эх, бензин, – вскричал кто-то сзади меня.

Через минуту, мы, человек пять, стояли в двух десятках шагов от картины, которую я никогда не забуду: в тупике, между каменной стеной, железной колонной, отбензинивающей трубчатки, и белой цистерной, принимавшей бензин, бушевал поток странно белого, почти бесцветного огня, а в огонь совались, наклоняясь над ним, накрывая его чем-то, рабочие, человек пятнадцать, тюрки и русские; седобородый тюрк командовал:

– Давай кошма, давай! Скор-ро!

Я никогда не видел, чтоб огонь гасили так яростно, с такой бесстрашной дерзостью, с таким пренебрежением к боли ожогов, – в этой дружной, ловкой работе было что-то непонятное мне. Поток огня стремился к цистерне, а в ней, – как мне потом сказали, – было несколько тысяч пудов бензина.

Рабочие гасили огонь так, как будто это была хорошо знакомая, привычная работа. Не заметно было испуга на озабоченных лицах, не было и бестолковой суеты, обычной на пожарах. Синеволосый тюрк смачивал кошмы в рыжей воде канавы, их выхватывали у него ловкие, сильные руки, кошма быстро подвигалась в сторону огня и покрывала его.

– Довольно кошем, хватит, – крикнул кто-то, хотя огонь не иссякал, тогда тюрк сам побежал к огню и накрыл его кошмой, точно птицу сетью.

– Знаим, знаем, – покрикивал он, прижимая кошму ногами, а из-под неё его хватали за ноги языки белого пламени. Кто-то из рабочих говорил:

– Переломилась, упала... перебила отводящую трубку, дала искру...

Ворвался автомобиль, огромная красная бочка, и тотчас из брандспойта, развёрнутого с поразительной быстротой, в огонь потекла рыжая пена. Щеголевато одетые, медноголовые люди пожарной команды деловито закричали:

– Отходи прочь, не мешай, ребята!

Я наблюдал внимательно. На своём веку много видел я пожаров, и всегда они вызывали бестолковую, бессмысленную суету. Повторяю, что быстрота, с которой рабочие бросились на огонь, ловкость, с которой они тушили его, и то, что они делали это без лишнего шума и крика, не мешая друг другу, с какой-то немецкой выдержкой, – всё это было ново для меня и очень удивительно. Огонь тоже был бесшумен, он шипел лишь тогда, когда встречался с рыжей пеной лакричного корня, когда она душила его густотой ее кружева. С огнём покончили в 12 минут.

...Мы – на Биби-Эйбате, где люди отнимают у моря часть его площади для того, чтоб освободить из-под воды нефтеносную землю. Каменная плотина отрезала у Каспия большой кусок, образовался тихий пруд, среди него дерзко возвышаются клетки буровых вышек, в клетках возится, поскрипывает железо, просверливая морское дно, мощные насосы выкачивают мутно-зеленоватую воду пруда в море, взволнованное дерзостью людей. В него непрерывно льются две сердито кипящие струи, каждая толщиной в десятивершковое бревно. Под шум этих не очень «поэтических» струй мне рассказывают нечто легендарное об инженере, кажется, Потоцком, который совершенно ослеп, но так хорошо знает Биби-Эйбат, что безошибочно указывает по карте места работ и точки, откуда следует начать новые работы.

Стучит мотор, покрикивают рабочие, шипит вода. Вдали, за бухтой, на серой горе, тоже стоят новенькие буровые, от одной из них к морю, вниз, тянется чёрная бархатная полоса ценнейшего жира земли.

Фантастики я видел уже немало на Днепрострое, в Москве, здесь, – как всюду, – её воплощают в железо, она превращается в мощную реальность, говорит о величии разума и о том, что недалеко время, когда рабочий класс Европы тоже почувствует себя единственным законным владельцем всех сокровищ земли и начнёт вот так же работать на себя, как начали эту работу в Союзе Советов...

В огромном складе различных материалов увидел человека, который шёл прихрамывая, опираясь на палку.

– Кто это? – спросил я.

– Наш инженер. Хороший парень. У него нога болит, ему лежать надо, а он...

Эта заботливость о здоровье ценного работника напомнила мне Владимира Ильича. Его образ часто встаёт в памяти на богатой этой земле, где рабочий класс трудится, утверждая своё могущество. О нём говорят и спрашивают так, как будто он был здесь и ещё придёт. Из Тыринской сопки на Джульфа-Бакинской железной дороге хотят сделать голову В. Ленина, «основателя государства». Особенно часто думалось о нём в рабочих поселках Азнефти. Если б он видел это, какую радость испытал бы он... Вспомнилось, как я пришёл к нему через несколько дней после разгрома Юденича, а он, крепко стиснув руку мою, весело блестя глазами, смеялся:

– Вздудли рабочие генерала? А я, признаться, думал: не сладим!

Здесь он увидел бы, что рабочие «сладили» с делом гораздо более трудным и сложным, чем генеральский набег на столицу рабочих-металлистов.

...Из всех опытов строительства жилищ для рабочих в Союзе Советов наиболее удачным мне кажется опыт Азнефти. Бакинские посёлки рабочих построены прекрасно. Их, вероятно, уже не одна сотня: только в посёлке имени Разина я насчитал свыше пятидесяти, не менее того

– в Сураханах, Балаханах, Романах. «Эти маленькие города построены умными людьми», – вот что прежде всего думаешь о них. Издали посёлок Разина похож на военный лагерь: одноэтажные домики на серой земле, точно палатки солдат, но, когда побываешь в посёлке, убеждаешься, что каждый дом – «молодец на свой образец», а все вместе они – начало оригинального и красивого города. Почти каждый дом имеет свою архитектурную физиономию, и это разнообразие типов делает посёлки удивительно весёлыми. Каждый дом имеет террасу, выходящую в палисадник, где уже посажены деревья, цветут цветы. Широкие бетонированные улицы, водопровод, канализация, площадки для игр детей, – сделано всё для того, чтобы поставить рабочих в культурные условия. В светлых, уютных комнатах газовые печи, экономно отапливающие и плиту кухни. Всё очень умело и очень умно. На промыслах сохранены две-три старых казармы для того, чтоб дети видели, в каких грязных пещерах держали их отцов хозяева-капиталисты. Дома посёлков построены одноэтажными, очевидно, для того, чтоб люди наименьше страдали от свирепых ветров, которыми издревле славится район Баку. В каждом посёлке семьи тюрков живут обок с русскими семьями, дети воспитываются вместе, и это возбуждает надежду, что через два десятка лет не будет ни тюрков, ни русских, а только люди, крепко объединённые идеей всемирного братства рабочих.

Да, что бы ни говорили враги Союза Советов, а его рабочий класс смело начал и хорошо продолжает «необходимейшее дело нашего века», как назвал Ромэн Роллан идею В. И. Ленина, воплощаемую в жизнь его учениками. Баку – неоспоримое и великолепное доказательство успешности процесса строения государства рабочих, создания новой культуры, – таково моё впечатление. Недели через две в Сормове это отлично формулировал один из старых рабочих, – очевидно, хороший ученик Ильича:

– На производстве наш брат обязан показать себя во всей своей силе хозяином разумнее буржуа, талантливее. Покажем это – значит: дело сделано.

В 1892 году, в Тифлисе, у В. В. Флеровского-Берви, автора книги «Положение рабочего класса в России», первой у нас книги по рабочему вопросу, автора оригинального опыта истории общечеловеческой культуры, озаглавленного «Азбука социальных наук», автора ещё многих книг, а также рассказов «Философия Стеши», «Галахов», – у человека, который подавлял нас, молодёжь, обширностью своих знаний и резкой нетерпимостью к чужим мнениям, – так вот у этого замечательного человека я был свидетелем такой сцены: тюрк-публицист, фамилию которого я забыл, рассказывал нам, молодёжи, интересно и красиво историю города Баку. «Бакуиэ», называл он его и, помню, объяснял: «Бад» – по-персидски – город, «ку» – ветер, «Баку» – город ветров.

Флеровский не любил, когда при нём слушали не его, а кого-то другого. И он, автор своеобразной истории прошлого, ворчливо сказал тюрку:

– Всё это – басни! Надо учиться и учить забывать прошлое.

– Я не могу забыть того, что вы сейчас сказали, а это уже прошлое, – вежливо ответил ему тюрк и спросил: – Как я узнаю себя сегодня, забыв о том, чем был вчера и кто был мой отец?

Они заспорили. Флеровский, как всегда, нетерпимо, грубовато; противник отвечал ему отлично закруглёнными фразами и как будто читая стихи. Эта сцена, а особенно слова тюрка, очень хорошо памятна, я точно вчера видел и слышал её.

Может быть, молодым читателям не нравится, что я так часто возвращаюсь к прошлому? Но я делаю это сознательно. Мне кажется, что молодёжь недостаточно хорошо знает прошлое, неясно представляет себе мучительную и героическую жизнь своих отцов, не знает тех условий, в которых работали отцы до дней, когда их организованная воля опрокинула и разрушила старый строй.

Я знаю, что память моя перегружена «старьём», но не могу забыть ничего и не считаю нужным забывать. Совершенно ясно вижу перед собой ужасающую грязь промыслов, зелено-

вато-чёрные лужи нефти, тысячи рабочих, обрызганных и отравленных ею, грязных детей на крышах казарм; согнутых под тяжестью груза, «в три погибели», персов-«амбалов», грузчиков на набережной Баку; нищих на улицах города и ребятишек, которые, разинув рты, провожают взглядами восхищения богатые экипажи, на редкость красивых людей, мужчин и женщин, одетых в белое; расплывшись на сиденьях колясок, они едут куда-то против ветра, закрыв или прищурив глаза. Был «царский день», на всех домах главной улицы трепались флаги, хлопая, точно плети пастухов, где-то гудела и гремела военная музыка. Ветер изумительной силы прижимал пешеходов к стенам домов, заставлял их бежать в ту сторону, куда он дует, идущих навстречу ему останавливал, сгибал пополам, под его ударами гривы лошадей вставляли дыбом, а у тех, которые пытались обогнать его, ветер зачёсывал гривы вперёд, и это делало морды животных чудовищными. На скрещеньях улиц покачивались монументальные фигуры полицейских в белых перчатках, помогая ветру разгонять воробьиные стаи оборванных, полуголых мальчишек. Свиреп и непримирим был ветер, и так же непримиримо было всё вокруг: богатые здания набережной и полуразрушенные дома в кривых, узких улицах тюркской части города; множество нищих в лохмотьях и тяжёлые люди, плотно зашитые в дорогие ткани; женщины без лиц, с головы до ног окутанные в тёмное, и женщины в ярких костюмах или в белом, большие и сытые, как лошади. И бесчисленные стаи чумазых, худосочных детей с воспалёнными глазами.

Трудно узнать Баку, мало осталось в нём от хаотической массы унылых домов «татарской» части, которая была так похожа на кучу развалин после землетрясения. Проложены новые широкие улицы, выросли деревья, и зелень их оживила серый камень зданий; весело разрослись насаждения Приморского бульвара, шумно катаются вагоны трамвая, некоторые из них ярко, в восточном вкусе, расписаны цветами. Нет на улицах мрачных фигур женщин, завязанных с головами в тёмные мешки, нет нищих, и нигде не видишь позорной непримиримости, бесстыдной роскоши и грязной нищеты. Всюду много здоровых, весёлых детей, и я не мог различить, кто из них тюрк, кто русский. Даже древняя чёрная башня Кыз-Каляски кажется помолодевшей и не давит город, как давила раньше, а украшает его своей оригинальной формой и затейливой кладкой, отшлифованной до блеска ветрами и масляной копотью промыслов. Каждый вечер на эстраде какого-то общественного здания играет отличный симфонический оркестр, на Приморском бульваре тоже музыка, и часто слышишь прекрасные песни тюрков. Культурной работой в Баку ревностно и увлечённо руководит человек необыкновенной энергии, кажется, уже заработавший себе туберкулёз. Горят люди и, сгорая всё ярче, разжигают путеводные огни к новой жизни.

Ночью я смотрел на Баку с горы, где предположено устроить ботанический сад, и был поражён изумительным обилием и красотой огней в городе, на Биби-Эйбате, где идут ночные работы, на промыслах. До этой ночи я не представлял себе картины более красивой, чем Неаполь ночью с горы Вомеро, – богатейшая россыпь отражённых водами залива крупных самоцветов, густо рассеянных по древнему городу, по его порту. Но Баку освещено богаче, более густо, и так же, как в Неаполитанском заливе, в чёрном зеркале Каспия отражаются тысячи береговых огней.

Дважды я был потрясён до глубины души зрелищем энтузиазма людей, разбуженных к новой жизни, зрелищем их пламенного восторга: первый раз – на московских батрацких курсах, где сто сорок батраков, кончив общеобразовательные курсы и разъезжаясь по деревням, пропели «Интернационал» с такой изумительной силой, какой я не чувствовал никогда ещё, хотя и слышал, как «Интернационал» пели тысячи, – прекрасно пели, но это было пение верующих давно и крепко, а сто сорок батраков спели символ веры борцов как люди, только что и всем сердцем принявшие новую веру, и поразительной мощью звучал гимн ста сорока сердец, впервые объединённых в одно.

Но ещё более, неизмеримо более глубокое впечатление пережил я на культурном празднике тюрков в Баку.

Смотрел я на этих людей, слушал их речи и не верил, что не так давно русские чиновники, пытаясь укрепить власть царя, могли вызвать кровавую вражду турков и армян. Не верилось, что я, в своё время, писал об этом преступлении самодержавия, которое, провоцируя вражду племён, не брезговало гнусной работой подстрекателя к массовым убийствам. И вот вижу: повеял ветер той свободы, которую могут создать только люди труда, и кошмар прошлого рассеялся, как будто его не было; теперь нередко в турецких школах преподают армянки, крестьяне Азербайджана пасут свой скот на склонах красивых гор Армении, и трудовой народ Союза Советов организуется в единую, творческую силу.

На многолюдном собрании рабкоров и начинающих писателей... Как всюду на таких собраниях, и в Баку я убеждался в широте и разнообразии интересов молодёжи, в силе её пытливости, в жажде знания. Когда я прочитал поданную мне записку с вопросом: «Должен ли писатель знать всю историю человечества или только своего народа?» – многие в толпе усмехнулись, а красноармеец, кажется, турк, громко сказал:

– Пустой вопрос. Писатель обязан знать всё.

Из наиболее характерных записок я сохранил десятка два, они спрашивают:

«Как вы смотрите на наши газеты, многим из нас они кажутся тяжёлыми, непонятными?» «Правда ли, что газеты портят язык?» «Почему так мало печатается популярно-научных книг?» «Был ли Ломоносов действительно великим ученым и в какой из наук?» «Верно ли, что экономист и философ Богданов – доктор и лечил переливанием крови?» «Почему у нас нет книг по истории европейской литературы, все старые?» «Переведён ли по-русски Рабле?» «В чьих руках наробраз Италии?» «Почему вам нравится Анатолий Франс?»

Но, разумеется, есть и такие наивные вопросы: «Кто первый начал утверждать, что есть бог?» «Знал ли поэт Кольцов грамматику?» «Правда ли, что наши эмигранты признают дуэль?» «Правда ли, что царь Николай Первый сын солдата?» «Можно ли чему-нибудь научиться по словарю Брокгауз и Эфрон?» Таких курьёзных вопросов – немало. Записки летят на стол, как ночные бабочки – на огонь.

Уехал я из Баку под впечатлением пожара на промысле, под впечатлением спокойной и успешной борьбы рабочих против стихийной силы, уехал с отрадным сознанием, что я видел настоящий город рабочих, где они – хозяева, как это и должно быть во всех городах, на всей земле Союза Советов, во всём мире.

По дороге в «Тифлис многобалконный» почти все станции отстроены заново, а на месте старых зданий – груды взорванного, раздробленного камня. Эта упрямая последовательность работы разрушения заставляет вообразить чудовище – огромного буйвола, который ослеп, содрогаясь от ужаса тьмы, идёт прямо и, встречая по пути своему вокзалы, водопроводные башни, разрушает их, подбрасывая вверх, расковыривая рогами, растаптывая копытами.

Тифлис мало изменился с той поры, как я был в нём, но окраины его – Навтлуг, Дидубэ – сильно разрослись. Просторнее, чище стало на Авлабаре, который в моё время именовался «азиатской» частью города. Расширен и превосходно обстроен знаменитый сад Муштаид. Расширяют музей Кавказа, увеличивая его втрое. Я видел только отдел зоологии и должен сказать, что его организуют образцово по наглядности, по красоте. Залы разделены огромными стёклами, задние стены каждого отделения расписаны пейзажами неплохим художником, на фоне пейзажа умело размещены флора и фауна, и всё вместе даёт вполне точную картину условий, в которых живёт разнообразное и обильное кавказское зверьё. В музее – чучело того тигра, который года три или четыре тому назад пришёл откуда-то на Кавказ, вызвал немало страха и был убит, кажется, где-то под Тифлисом. Зверь весьма крупный, у него такие солидные лапы и клыки, но в стеклянных глазах есть что-то недоумевающее и даже смешное, как будто он, в минуту смерти, подумал:

«Вот влопался!»

Как везде в Союзе Советов, в Тифлисе много строят. Оживлённо шумит милый грузинский народ-романтик, влюблённый в красоту своей страны, в её солнечное вино и чудесные песни. Очень заметно – и странно – что женщин на общественных собраниях маловато.

В Музее революции меня удивило отсутствие материалов по участию грузин в народническом и народовольческом движении, по участию грузинских дружин в персидской революции, а также материалов о жизни грузин в сибирской ссылке. Во Мцхете, в грандиозном соборе, построенном в IV веке, исчезла стенопись в алтаре, могучие, в два человеческих роста, фигуры двенадцати апостолов; в алтаре мне сказали, что эту древнейшую и величавую живопись замазали известью попы. Замазаны и наивные фрески, которые изображали историю римского воина-грузина, который при дележе одежд Христа получил часть их, пошёл домой, в свою Иберию, и всё мёртвое, к чему прикасалась одежда Христа, оживало. В. М. Васнецов в 1903 году до слёз восторга любовался живописью алтаря и этими фресками. Но для восторгов художника наша действительность даёт много нового материала, а старину следует охранять от разрушения для того, чтоб дети видели: в цепях каких суеверий, под гнётом какого варварства жили их отцы.

Очень красиво построена мощная силовая станция ЗаГЭС с её монументом В. И. Ленину на скале среди Куры. Впервые человек в пиджаке, отлитый из бронзы, действительно монументален и заставляет забыть о классической традиции скульптуры. Художник очень удачно, на мой взгляд, воспроизвёл знакомый властный жест руки Ильича, – жест, которым он, Ленин, указывает на бешеную силу течения Куры.

В Коджорах, на дачах тифлисских богачей – лагеря пионеров, дома отдыха, детские дома. Детей там, вероятно, более тысячи. Коджоры цвели и сверкали знамёнами, медью оркестров. Там был, кажется, съезд учительниц, и часа три мы слушали великолепное исполнение ими народных песен Грузии. Особенно мастерски пели две девицы, одна – блондинка с огромными весёлыми глазами и прекрасным, неистощимым голосом, человек исключительно талантливый, так же как её подруга, тоже искусная и неутомимая певица. Трогательно было задушевное гостеприимство учительниц, их простота и милая гордость волнующей красотой песен своего народа. Группы девушек и детей в саду, на пригорке, под ветвями старых деревьев, в сети солнечных лент напомнили мне лирическую красоту персидских миниатюр.

После этого – интереснейшая беседа с рабкорами в каком-то саду; здесь, в Тифлисе, беседа приняла характер горячего спора по вопросу о «самокритике». Убеждённым сторонником беспощадного обличения ошибок власти, недостатков её аппарата выступил рабкор – кажется, железнодорожник, человек средних лет, с лицом вояки, смелой речью, – человек, который хорошо видит сложную путаницу старого и нового. Он, должно быть, много претерпел на своём веку, немало подумал и знает людей, – это чувствовалось в каждом его слове. Он говорил:

– Надо, главное, чтоб молодёжь всё видела, всё знала, видела бы, что мы друг с другом не миндальничаем, не гуманничаем.

Ему возразили из толпы:

– Ты меня сначала научи, как мне себя держать, а когда научишь, тогда и ругай.

– Вас – десять лет учат, а – какой вы пример молодёжи? Как живёте?

Он произнёс небольшую, очень горячую речь о различных уродствах быта.

– Где тут новое-то, где? – обличительно покрикивал он.

В мою очередь, я, между прочим, сказал:

– Подумайте, сколько ума, сколько энергии мы тратим на то, чтоб рассказать и доказать людям, как они плохи, и представьте, что вся эта энергия тратится на то, чтоб объяснить людям, чем они хороши.

– Как? – спросил он. – Ну-те-ка, повторите про энергию!

И, когда я повторил, он, тряхнув головой, усмехаясь, заговорил:

– Это, конечно, верно, дурное мы друг в друге охоче подмечаем, даже и с радостью. Это, конечно, глупость! Однако, товарищ, и это вопроса не решает: на чём полезнее учиться – на плохом или на хорошем? Письма ваши рабкорам читал я, ну, неубедительно всё-таки, уж как хотите! Нет, мы должны без пощады...

А за спиной у меня кто-то вполголоса торопливо и оживлённо рассказывал:

– Ругал он её, ругал, а она всё молчит и вдруг спрашивает: «Неужто за четыре года жизни ничего хорошего не нашёл ты во мне и ничего доброго не видел от меня?» Так он мне потом говорит: «Прямо с ног сбила она меня этими словами, чёрт! Замолчал я, а потом и смешно и даже совестно стало...»

Из толпы кричат:

– Вы, товарищ Горький, напишите нам книгу о хорошем и плохом...

Природа не наградила меня способностями оратора, и каждый раз, читая стенограммы публичных моих речей, я со стыдом убеждаюсь в их бессвязности. А вот такие беседы, когда каждый спрашивает о чём хочет и говорит мне всё, что ему угодно, – эти беседы – дело новое для меня, – много дали мне, многому научили. Огромное и глубокое наслаждение – наблюдать за игрою сотен разнообразных лиц, сотен пар разноречивых глаз, следить, как вспыхивает в них сочувствие или недоверие, дружеская улыбка или блеск насмешки, а иногда разгорается и огонёк вражды. Большая радость воочию убедиться в том, что люди заново живут, по-новому начинают думать и чувствовать. Убеждаешься в этом каждый раз, когда от живого искреннего слова вспыхивает яркий интерес и даёт тебе знать, что ты нужен, полезен. Много нового накопилось в людях, но нет ещё у них времени воплотить свои чувства и мысли в свои слова с достаточной ясностью и точностью.

Из беседы в великолепном доме грузинских литераторов по вопросу об издании журнала «Наши достижения» и альманахов, посвящённых национальным литературам, я не вынес определённого впечатления. Ярким моментом её была опасливая речь одного из молодых писателей, он её начал словами:

«Горький хочет перевести нас на смертельный ток».

Я хочу думать, что этот отзвук недоверия, а может быть, и вражды, всемерно и вполне объясняется грубейшим давлением старой, царской власти на культуру «нацменьшинств». Но всё же странно было слышать запоздалое эхо старины в те дни, когда так свободно и быстро развиваются национальные культуры даже маленьких поволжских племён, которые лишь несколько лет тому назад получили письменность, а сегодня уже издают газеты и книги на своих родных языках, организуют нацмузеи, консерватории. Вот предо мной сборник «Тысяча казакских-киргизских песен»; они положены на ноты, оригинальнейшие их мелодии – богатый материал для Моцартов, Бетховенов, Шопенов, Мусоргских и Григов будущего. Отовсюду – от зырян, бурят, чуваш, марийцев и так далее – для гениальных музыкантов будущего льются ручьи поразительно красивых мелодий. Я слышал, как эти песни нацменьшинств исполняет А. И. Загорская, концерты которой в Берлине имели громадный успех. И, когда слушаешь пение этой исключительно талантливой женщины, думаешь, конечно, не только о музыке будущего, а о будущем страны, где все разноязычные люди труда научатся уважать друг друга и воплотят в жизнь всю красоту, издревле накопленную ими. Это – должно быть, и это будет, – или все мы снова вернёмся на старые пути звериной вражды и кровавых преступлений друг против друга...

...В долине Делижана кто-то из товарищей сказал вполголоса:

– Много здесь турки перебили армян.

– Ну, что же вспоминать об этом в такой красоте, – ответили ему.

Да, удивительно красиво. Кажется, что горы обняли и охраняют долину с любовью и нежностью живых существ. На высоте 1500 метров воздух необыкновенно прозрачен и как будто окрашен в голубой мягко сияющий тон. Мягкость – преобладающее впечатление долины. Глубокое русло её наполнено пышной зеленью садов, и дома как бы тихо плывут в зелёных волнах по направлению к озеру Гокче. Южное Закавказье ошеломляет разнообразием и богатством своих красот, эта долина – одна из красивейших в нём. Но на красоту её неустраимо падает мрачная тень воспоминаний о недавнем прошлом. Мне показывают:

– Вот в это ущелье турки согнали и зарезали до шести тысяч армян. Много детей, женщин было среди них...

Меньше всего лирически прекрасная долина Делижана должна бы служить рамой для воспоминаний о картинах кошмарных, кровавых преступлений. Но уже помимо воли память воскрешает трагическую историю Армении конца XIX, начала XX веков, резню в Константинополе, Сасунскую резню, «Великого убийцу», гнусное равнодушие христиан «культурной» Европы, с которым они относились к истреблению их «братьев во Христе», позорнейший акт грабежа самодержавным правительством церковных имуществ Армении, ужасы турецкого нашествия последних лет, – трудно вспомнить все трагедии, пережитые этим энергичным народом.

Удивительно быстро и ловко забывают факты такого рода господа «гуманисты», идеалисты, защитники «культуры», основанной на жадности, зависти, на рабстве и на циническом истреблении народных масс. Ложь и лицемерие защитников этой «культуры по уши в крови и грязи» восходят до явного безумия, до преступления, которому нет достойной кары.

...Едем мимо армянских деревень, и, глядя на них, забываешь о том, что живёшь во второй четверти XX века, в царствование миллиардеров, миллионеров, в эпоху безумнейшей роскоши и поразительного развития техники. К суровой земле беспорядочно и почти неотличимо от неё прижались низенькие, сложенные из неотёсанных камней постройки без труб, без окон; они ещё менее, чем старые казармы рабочих на промыслах Азнефти, напоминают жилища людей, даже загоны для овец в степи Моздока построены солидней. На плохих местах, на голой земле прилепились эти жуткие, унылые деревни армян. Видеть их как-то стыдно, неловко. Кое-где около них торчат метёлки кукурузы, сизые пятна посевов ячменя. Изредка мелькают полуголые дети, женщины в тёмном, истощённые непосильным трудом. Холодно и одиноко, должно быть, в этих доисторических жилищах суровой зимой среди лысых гор, где прячутся погасшие вулканы. Зима на этой высоте стоит долго, бывают сильные морозы. Когда вот такие деревни мысленно поставишь рядом с Нью-Йорком, Лондоном, Парижем, Берлином – особенно хорошо видна преступная ложь современной культуры, и особенно понятна ненависть защитников её к Союзу Советов, – ненависть, которая пожрёт всех, кто ненавидит людей труда.

...Развёртывается грандиозное синее зеркало озера Гокча, – точно кусок неба, который опустился на землю между гор. Необыкновенен густо-синий цвет воды этого озера, отнявшего у земли площадь почти в 1395 квадратных километров. Озеро богато рыбой, больше других – лососью, и мне сказали, что скоро эту рыбу, замораживая её, будут отправлять в Париж.

На берегу озера большая русская деревня, в ней живут крупные, дородные бабы, большие, бородатые мужики, хорошо упитанные русоволосые дети. Очень здоровый народ, но глаза большинства – странно прозрачные и сонные, такие глаза я замечал у пастухов в горах Швейцарии, и мне подумалось, что это – глаза людей, живущих вне времени, вне действительности.

Один из туземцев с берега Гокчи, широкоплечий, стройный, с густейшей сивой бородой, стоял, спрятав руки за спину, и смотрел на автомобиль, точно вспоминая: видел он уже такую телегу или нет?

– В Эривань едете? – спросил он басом.

– Да.

– Эривань – далеко, – сообщил он и не торопясь отошёл прочь.

Дома в деревне солидные, деревянные, хотя земля вокруг безлесна, а горы почти сплошь из вулканических пород, и среди них – сказали мне – есть достаточно мягкие, удобные для строительства. В одном из домов – ихтиологическая станция, где изучают жизнь населения озера. Производится интересный опыт: в синюю воду Гокчи пустили 15 миллионов мальков сига из Ладожского озера и уверенно ожидают, что сиги приспособятся к жизни в этом огромном бассейне на высоте почти 2000 метров. Да, всюду, на всех точках земли Союза Советов делаются смелые, великого значения опыты, строится новая жизнь. Эта стройка – первое, что бросается в глаза, когда подъезжаешь к Эривани.

Серый каменный город на фоне хмурой массы среброглавого Арарата, в шапке красноватых облаков, – этот город издали вызвал у меня впечатление заключённого в клетку строительных лесов, на которых муравьиные фигурки рабочих лепят новые здания как будто непосредственно из каменной массы библейской горы. Такое впечатление явилось потому, что стройка идёт на окраине города и его видишь сквозь леса. Внутри города строят не так много, как это показалось издали, – бедна Армения, многократно растоптанная копытами врагов, разорённая той звериной ненавистью и жаждой крови, которые так умело разжигают жрецы золотого бога, имя которому капитализм – Желтый Дьявол.

Да, Армения бедна, но уже отличная силовая станция украшает Эривань, силою её работает завод, очищающий хлопок, масляный и мыльный заводы, богато освещён город. Энергично идёт стройка жилищ для рабочих, два больших корпуса уже заселены, всюду чувствуется смелая рука умного хозяина, и движение в городе носит характер движения накануне большого праздника.

Прекрасно организован музей, намечено множество работ, которые должны будут быстро преобразовать город, идут геологические исследования по всей стране. И уже сделано открытие, которое, несомненно, даст армянам значительные средства для развития промышленности и культуры страны: около Арарата найдены богатейшие залежи вулканического туфа. Из этого материала построен Неаполь и все города по берегам Неаполитанского залива, но туф Арарата плотнее везувийского, – вбитый в него гвоздь не колет массу, и в то же время она режется легко, почти как мыло. Из туфа можно, на месте разработки, резать колонны, наличники окон и дверей, консоли, карнизы, его можно резать по заданию архитектора на кубы любого объёма. Залежи его исчисляются сотнями миллионов тонн. Разработка этого богатства уже начата, прокладывается подъездной путь к Закавказской железной дороге. Думают, что туф этот будет дешевле кирпича и хорошо пойдёт в Северо-Кавказский край и на Украину, бедную строительным материалом. Вероятно, вулканическая почва Армении подарит народу своему и другие богатства. На обратном пути из Эривани в Тифлис мы видели выхода на поверхность земли чёрного обсидиана – вулканического стекла.

Вечером, после митинга, в городском саду эриванская молодёжь показывала танцы сасунских армян, нечто совершенно исключительное по оригинальности и красоте. Я – не знаток искусства танцев, равнодушен к балету, на характерные пляски смотрю как на лёгкую и весёлую акробатику, на фокстроты – без отвращения, но нахожу, что одежды в этом «танце» излишни и, должно быть, стесняют свободу танцоров, которых можно назвать также и бесстыдниками, хотя, конечно, в природе есть существа ещё более бесстыдные, например: мухи, петухи и куры, козлы, собачки.

Танцы сасунских армян не поражают затейливостью и разнообразием фигур и не стремятся к этому, в них есть нечто другое, более значительное и глубокое. На эстраду выходят двое музыкантов в ярких национальных костюмах, двое – большой барабан и пронзительно крикливая дудка, – а за ними выплывает ослепительно блестящее, разноцветное тело – двадцать человек мужчин. Они идут плечо с плечом, держа за спинами руки друг друга, они – единое

тело, движимое единой, изумительно ритмически действующей силой. Это тело свёртывается в круг, в спираль, развёртывается в прямую линию, строит разнообразные кривые; идеальность ритма, лёгкость и плавность построения фигур всё более укрепляют чарующую иллюзию единства, слитности. Отдельных танцоров трудно различить, видишь, как перед тобой колеблется ряд красивых лиц, видишь их улыбки, блеск глаз, кажется, что вот их стало больше, а в следующую минуту – меньше; индивидуальные черты каждого отдельного лица почти неуловимы, и всё время с вами говорит, улыбается вам как будто одно лицо, – лицо фантастического существа, внутренняя жизнь которого невыразимо богата. Возбуждающе поёт дудка, но её высокий голос уже не кажется пронзительным; громко, но мягко отбивает такт барабан, и за этой музыкой видишь другую – музыку изумительно красивых движений гибкого человеческого тела, его свободную игру в разноцветной волне ярких одежд. Минутами, когда стремительность движений многоглавого тела, возрастая, превращалась в золотой и радужный вихрь, я ждал, что цепь танцоров разорвётся на отдельные звенья, но и в этом вихре они сохранили единодушную плавность движений, увеличивая, углубляя впечатление силы и единства. Никогда я не видел и не мог представить себе картину такой совершенной слитности, спаянности многих в едином действии. Несомненно, в этом, должно быть, очень древнем танце скрыто нечто символическое, но мне не удалось узнать – что это: религиозная пляска жрецов или танец воинов? Мне кажется, что есть в нём что-то общее с воинственным танцем гурийцев, – не помню, как называется он – «перхули» или «хорули». Но в нём не было ничего, что хоть немного напоминало бы бешеное «радение» хлыстов или истерические судороги «вертящихся дервишей», от которых – как говорят – заразились истерией и наши сектанты – «кавказские прыгуны». Вероятно, танец сасунских армян – победный танец воинов.

Не менее оригинально и так же обаятельно красиво танцевали женщины, одетые тоже по-восточному ярко и цветисто. Танцую, они показывали, как причёсывают волосы, красят лицо, кормят птицу, прядут, – и снова все мы были очарованы изумительной ритмичностью их движений, красотой жестов. Женщины танцевали каждая отдельно от другой, и жесты каждой были индивидуальны, тем труднее было сохранить их ритмичность, единство во времени, а она сохранялась идеально. Затем они исполнили комический танец хромы, – танцевали так, точно у каждой из них перебито бедро, и, хотя смешные движения их были на границе уродливого, они поражали гармоничностью и грацией.

«Сколько талантов вызвала к жизни наша эпоха, сколько красоты воскресила живительная буря революции!» – думал я по пути из Эривани.

Возвращались мы другой дорогой, по долине более богатой, плодородной, через деревни сектантов-«прыгунов». Странное впечатление вызывают эти большие зажиточные селения без церквей и эти крупные бородатые люди с такими же пустыми и сонными глазами, как и у поселенцев на берегу Гокчи. Мне сообщили, что турецкое нашествие перешагнуло через «прыгунов», не причинив им вреда, и что защитой этим сектантам служит их пассивное безразличие ко всему, кроме интересов своей общины и личного хозяйства.

Разумеется, они считают себя единственными на земле людьми, которые исповедуют «истинную веру». В 1903 году один из них, Захарий, – кажется, Нищенков или Никонов, – снисходительно внушал В. М. Васнецову, доктору Алексину и мне:

– Наша вера – древнейша, она ещё от царя Давида, помните, как он «скакаше играя» пред ковчегом-то завета? Во-он она откуда...

Его товарищ, сухой, длинный старик, с глазами из тёмно-зелёного стекла, гладил острое своё колено, покачивался и говорил глухим голосом:

– Ты перестань, Захарий, господам московским это без интереса.

Но Захарий не унимался, его раздражали насмешки доктора, и ему, видимо, льстил горячий интерес художника, который выпрашивал его, как, вероятно, выпрашивают дикарей католики-миссионеры. Но Захарий держал себя не как дикарь, а как вероучитель.

– Отчего – скакаше? – поучал он Васнецова. – Оттого, что пророк был, знал, что из его колена Христос изыдет, – вот оно! Священны пляски и греки знали, не теперешние, а – еллены, царства Елены Прекрасной, они тут жили по берегу Чёрного моря, у них там, на мысу Пицунде, остатки церкви есть. Так они тоже скакали, радовались, возглашая: «Иван, двое...»

– «Эван, эвое»², – поправил Васнецов, но Захарий продолжал, горячась:

– Грек не может по-русски правильно сказать, он сюсюкает, я греков знаю. Иван – это Предтеча, а двое – значит за ним другой придёт, ну, а кто другой – сам пойми...

Доктор Алексин неприлично хохотал, Васнецов тоже горячился, как и Захарий, это обидело старика, он вытянулся во весь рост и решительно приказал:

– Идём! Нечего тут... зубы чесать.

Люди эти приехали к наместнику Кавказа с жалобой на какие-то притеснения, они жили в одной гостинице с нами, и старик вообразил, что солидный доктор – важный чиновник из Петербурга, а Васнецов – духовное лицо, путешествующее в «штатском» платье. Он и научил Захария поговорить с ними. А. П. Чехов, наш спутник, не присутствовал при этой беседе, чувствуя себя уставшим. Вечером, за чайным столом, когда Васнецов с досадой рассказывал ему о «прыгунах», он сначала беззвучно посмеивался, а затем вдруг и в разрез настроению художника, сердито сказал:

– Сектанство у нас – от скуки. Сектанты – сытые мужики, им скучно жить и хочется играть в деревне роль попов, – попы живут весело. Это только один Пругавин думает, что секты – культурное явление. Вы Пругавина знаете?

– Нет, – ответил Васнецов.

– Он – с бородой, но похож на кормилицу.

Где-то, вспоминая об А. С. Пругавине, я воспользовался этим сравнением, удивительно метким, несмотря на его необычность. А сцену беседы с «прыгунами» написал для «Нижегородского листка», но цензор, зачеркнув гранки, тоже написал:

«Скрытая проповедь церковной ереси. Не разрешаю. Самойлович».

...Четвёртый раз я на Военно-Грузинской дороге. Всё знакомо – кроме базы экскурсантов на станции Казбек. Экскурсии тянутся бесконечными вереницами; идут сотни здорового, весёлого народа, юноши и девицы, комсомол, студенчество. Это – люди, которые хотят знать геологию, петрографию, историю, этнографию, – всё хотят знать и как будто слишком торопятся приобрести знания. Когда много спрашивают, – мало думают и плохо помнят. Людям, которых отцы поставили в позицию полных хозяев своей страны, необходимо помнить, что каждый камень её требует серьёзного внимания к себе.

Никогда ещё пред молодёжью не открывался так широко и свободно путь к всестороннему познанию её страны. Она может спускаться в шахты под жёсткую кожу земли, подниматься на вершины гор, в область вечных снегов, пред нею открыты все заводы и фабрики, где создаётся всё необходимое для жизни, – учись, вооружайся! Нет университета более универсального, чем природа, всё ещё богатая не использованной нами энергией, и действительность, создаваемая волею и разумом человека.

...Дорога от Владикавказа до Сталинграда по бесконечной равнине. Пустыньность её обидна и раздражает. Не должно быть земли, которую всепобеждающий труд человека не мог бы оплодотворить, не должно! Камни и болота Финляндии, пески Бранденбурга убедительно говорят нам, что, когда человек хочет заставить даже бесплодную землю работать на него, – он её заставляет работать.

Об этой чудотворящей силе воли, силе труда необходимо как можно чаще напоминать людям в наши дни, когда пред людьми широко развёрнута возможность работать для себя,

² Крики древних греков во время религиозных танцев – *Ред.*

на самих себя, для создания трудового государства, совершенно исключаящего безвольных, лентяев, хищников и паразитов.

На мой взгляд – одним из крупных недостатков людей труда является тот факт, что они не знают, сколько хорошего сделано ими на земле, какие великие победы одержаны ими в борьбе за свою жизнь, и оттого, что это не известно им, они – в массе – работают всё ещё плохо, неохотно, безрадостно. Разумеется – не они виноваты этом, а те, кто держал их во тьме и так постыдно низко ценил их чудесный труд, преображающий землю. В школы следовало бы ввести ещё один и самый важный учебник – «Историю труда» – прекрасную и трагическую историю борьбы человека с природой, историю его открытий, изобретений – его побед и торжества его над слепыми силами природы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.